

Левина Галина Львовна**Levina Galina Lvovna**

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры искусства и культуры
Морского факультета гуманитарных технологий
Морского государственного университета
имени адмирала Г.И. Невельского

PhD in Cultural Studies, Associate Professor,
Department of Arts and Culture,
Maritime Subdepartment of
Humanitarian Technologies,
Nevelskoy Maritime State University

МИФОПОЭТИКА ВЛАДИВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XX–XXI ВВ.

MYTHOPOETICS OF VLADIVOSTOK IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Аннотация:

Статья посвящена мифопоэтике Владивостока в творчестве русских поэтов XX–XXI вв. – К. Бальмонта, Н. Матвеевой, М. Алигер, П. Гомзякова и др. Исследованы лейтмотивы, позволяющие выявить устойчивый имажинативно-семантический комплекс в описании города и соотнести его с древнегерманской и славянской мифологией. Сделан вывод, что образ Владивостока детерминирован региональным природно-культурным инвариантом, который наиболее репрезентативен в символах креста/маяка, скалы/горы, корня/дерева, цветка/огня, звезды/маяка. Реализован когнитивно-семантический потенциал лексемы «корень», что позволяет ввести в макроконтекст импликацию жизнестойкости города, расположенного на дальнем рубеже России. Рассмотрены образы-символы, формирующие когнитивную модель образа города Владивостока и позволяющие осмыслить семантическое пространство города как сложный художественный феномен.

Ключевые слова:

Владивосток, художественный образ, образ-символ, Алатырь, древо жизни, корень, лейтмотив, образные доминанты, маяк, огонь, звезда, социокультурный тип.

Summary:

The research deals with the mythopoetics of Vladivostok in the works of Russian poets of the 20th–21st centuries such as K. Balmont, N. Matveeva, M. Aliger, P. Gomzyakov. The study investigates the leitmotifs that allow one to identify a stable imaginative and semantic complex in describing the city and correlate it with ancient Germanic and Slavic mythology. It is concluded that the image of Vladivostok is determined by the regional natural and cultural invariant which is mostly represented in the symbols of the cross/lighthouse, rock/mountain, root/tree, flower/fire, star/light-house. The cognitive and semantic potential of the 'root' lexeme is realized; therefore, the implacability of the resilience of the city located on the far side of Russia is introduced into the macrocontext. Cognitive modeling of the image of the city of Vladivostok is due to symbolic images that help comprehend the semantic space of the city as a complex artistic phenomenon.

Keywords:

Vladivostok, artistic image, symbolic image, Alatyry, Arbor Mundi, root, leitmotiv, image dominants, lighthouse, fire, star, sociocultural type.

Актуальность заявленной темы видится в том, что, поднимая вопрос имажинации Владивостока в искусстве, мы, по сути, выходим на проблему когнитивной модели города, а это, в свою очередь, выводит на дискурс о феномене региона и личности дальневосточника как социокультурного типа. Но, обратившись к художественным текстам, поэзии в частности, мы сталкиваемся с проблемой острого дефицита исследовательских работ. Существуют публицистические статьи, в которых заявлено обращение к этой теме, в частности очерк В. Маркова, посвященный 150-летию Владивостока [1], но в силу жанровой специфики работы тема как таковая не получает разработки. Б. Беляев, приморский писатель и критик середины XX в., предпринимает попытку выделения тем, формирующих образ города [2, с. 275], но основывается на произведениях только одного автора – И. Степанова и отмечает две ведущие темы: индустриальное Приморье и его приморское положение. Самый известный и продуктивный критик литературы Приморья – филолог, литературовед С.Ф. Крившенко – работал прежде всего по направлению истории дальневосточной литературы. Проблема, с которой сталкивается исследователь, – отсутствие отдельного поэтического сборника, посвященного Владивостоку, несмотря на его более чем 150-летнюю историю. Стихотворения разбросаны по многочисленным газетам и альманахам значительного временного диапазона, что осложняет поиск.

Между тем именно лирика дает основание говорить о многомерности восприятия этого города. Создание образа Владивостока мастерами художественного слова, такими как Н. Матвеева, Р. Рождественский, Е. Рейн, в той или иной степени имеющими непосредственное отношение к Владивостоку, сформировало достаточно богатое поле для исследования Владивостока как литературно-художественного феномена. Считаем, что изучение данного вопроса в контексте последних событий, корректировки геополитического курса России в сторону Дальнего Востока

отвечает целому комплексу задач – культурологических, искусствоведческих, филологических, но прежде всего социокультурных и политических, стоящих перед страной.

Предваряя попытку «прочитать» Владивосток как локальный культурный текст, попробуем выявить культурно-художественный феномен города в отражении русских поэтов XX–XXI вв.

Поставленная задача предполагает обращение к широкому методологическому инструментарию, в том числе антропологическому и этнопоэтическому, важность которого, в частности, подчеркивает и американский антрополог Иван Бради: «Эта текстуальная основа обеспечивает общность интереса антропологии и более традиционных поэтических исследований к строению, авторитетности текста, семиотическому поведению и разработке смысла в дискурсе и в общем ко всем философским и критическим проблемам, связанным с мимезисом, – представлением и успешным обменом опытом в любой форме, особенно в проблематизированных текстах» [3, р. 949].

Мы сделали выборку из тридцати шести стихотворений, посвященных Владивостоку, написанных во временном охвате в 100 лет (с 1916 г.), и пришли к выводу, что при наличии множества мотивов, формирующих образ города, можно обнаружить некий устойчивый имагинативный образно-семантический комплекс.

Выявление этого комплекса становится возможным прежде всего благодаря лейтмотивам *моря, тайги, камня, цветка и огня*. Характеризуя указанные образные доминанты, необходимо отметить, что тайга со всеми ее традиционными составляющими: флорой – могучими деревьями, яркими цветами, густыми травами и представителями фауны, традиционно фигурирующими в описаниях тайги, представляется единым организмом, живым и живительным корнем, обеспечивающим существование города и региона. Образ тайги сворачивается при этом в образ-«конденсат» женьшень, получающий в этом случае символическое наполнение. Художественно мотивировано и появление в семантическом радиусе образа женьшеня образов тигра и медведя, выполняющих функцию стражей этого чудесного корня, эликсира жизни, своего рода региональной ипостаси мирового древа.

Так, в стихотворении П.И. Гомзякова (1867–1916) «Юбилейные наброски» (1916), посвященном Владивостоку, читаем:

Одетый в сумрачный туман
Лежал пустынный океан...
В зубчатых сопках берега,
Кругом на сотни верст – тайга...
Казалось – в сопках темный лес
Тянулся в синеву небес...
И сетью цепкою преград
Повсюду вился виноград,
Сплетая с кедром дуб и ель...
Средь мхов, как яркая постель,
Алел цветов живой ковер.
Их дивный радужный узор
Сверкал волшебной красотой:
Чередовались меж собой
Лиловый ирис и пион,
И ясный, как весенний сон,
Жемчужный ландыш и жасмин...
Суровый Сихотэ-Алинь
Драконом черным ночь и день
Целебный сторожил женьшень.
В его хребтах бродил медведь,
А пчелы лакомую снедь
Ему готовили в запас.
Оленей там коварно пас
Голодный тигр – зверей гроза... [4, с. 157].

В приведенном тексте стихотворения, как в искусной вышивке, можно видеть тесное сплетение деталей единого рисунка: растений, образующих общий сложный узор. Так, кедр, дуб и ель, обвитые цепкой живой сетью винограда, предстают единым образом древа, а цветы – ирис, пион, ландыш, жасмин, являя, в свою очередь, единый образ, совершенно естественно подготавливая появление в тексте главного образа – женьшеня, фокусирующего семантическое пространство текста.

Мифопоэтический аспект художественного текста неизбежно связан с когнитивным подходом к исследованию. Выявляя особенности вышеприведенного стихотворения, нельзя не обратиться к П. Стокуэллу, актуализировавшему когнитивный аспект анализа художественного текста и предложившему свою классификацию концептуальных метафор, заострив внимание на их контек-

стуальных пересечениях, позволяющих отражать в слове когнитивную модель мира как установочную цель: «Конечно, когнитивные модели пересекаются как ряд первообразов, и некоторые из этих концептуальных метафор становятся комбинированными конструкциями. <...> Каждая сторона метафорического отображения представляет собой когнитивную модель. При разрушении метафоры структура и некоторые из частей исходной модели остаются соотношенными с целевым объектом описания» [5, p. 110].

Тайга, описываемая с помощью процессных предикатов (в данном случае это все индефинитные глаголы прошедшего времени), отражает довольно статичную картину мира, организованную в соответствии с мифологическими представлениями наших предков, а корень женьшеня коррелирует с образом мирового древа. Так, в «Старшей Эдде» при описании ясеня Иггдрасиль сказано, что это вечнозеленое древо жизни пропитано священным живительным медом, три его корня простираются соответственно в три мира – подземный, верхний и средний, связывая, координируя и поддерживая их, а под корнями чудесного дерева находятся три источника, в том числе источники судьбы и мудрости. Змеи, козы, дракон и пчелы присутствуют в ближайшем окружении ясеня, образуя сложноорганизованную и сбалансированную систему микро- и макромира. Эту же образную иерархичную систему по мифологической модели мы обнаруживаем и в вышеприведенном тексте стихотворения: олени служат пищей тигру, пчелы заготавливают мед для медведя, обеспечивая жизнеспособность и функциональность этим хищникам, призванным служить священными стражами-хранителями волшебного корня. «Цепкая сеть» живых зеленых преград, данная в тексте как метафора тайги и вызывающая ассоциации с мифологическим древом, образы пчел, оленей, медведя, даже Черного Дракона, отчетливо формируют в сознании читателя мифологическую картину мира с очевидной развернутой концептуальной метафорой: женьшень – тайга – древо жизни.

Эта же развернутая концептуальная метафора получает подтверждение и развитие в стихотворении Новеллы Матвеевой «Заря Владивостока» (1960–1965 гг.), написанном полвека спустя. Город там представлен как город-женьшень – корень жизни России. Показательно, что автор вводит новый мотив – искупления-жертвы: женьшень как добровольная искупительная жертва лежит в основании Владивостока.

О Владивосток!
Далям вопреки –
Ты воистину русский, ты нашеньский!
Ты не зря возрос на корнях тайги –
Как тайга, великий, размашистый...
О Владивосток! Под тобой сокрыт
Мир корней с переборками тонкими.
И женьшень впотьмах среди их стоит
И тебя подпирает ручонками...
Не сменяй женьшень на пучок репья.
Окупи его жертву – сторицею!
На Святой Руси назовут тебя
Пятым портом и третьей столицей [6, с. 458–460].

Тема человека и природы, репрезентированных как человек-дерево, человек-цветок и т. п., широко разработана в литературе. Так, Михаил Крепс в книге «О поэзии Иосифа Бродского» пишет: «Тема “человек и цветок” и, шире, “человек и растение”, по-видимому, так же стара, как и сама поэзия, ибо именно в мире растений человек заметил то, чего не находил в мире животных, к которому принадлежал, – возможность вновь обрести жизнь в тех же самых формах, т. е. практически в том же теле. Сама мысль о возможности возрождения (воскресения), будучи самой заветной мечтой человечества, не возникла ли в связи с его попыткой осмыслить свое единство с растительным миром, свою скрытую и тайную (как и для растения?) природу, может быть, открывающую возможность для хоть какой-нибудь формы существования после смерти» [7, с. 5]. Именно природа является определяющим фактором в создании владивостокского текста, позволяя, по определению Ю. Кристевой, «строить поэзию» как «неразрывной аксиоматической сети» [8, с. 105].

Город на руках женьшеня – еще одно поэтическое восприятие города и очередная поэтическая эмблема. Поэтесса видит Владивосток городом в буквальном смысле у-корен-енн-ым, стоящим на целом мире переборок-корней и живущим благодаря женьшеню. Очевидно, что метафора «мир корней с переборками тонкими» коррелирует с образом тайги, а женьшень, из подземной темноты подпирающий ручонками земную твердь, – основание Владивостока, соотносится в этом контексте с образом мирового древа. «Ручонки» женьшеня – антропоцентрическая метафора мелиоративной оценки, по классификации Г.Н. Складневской [9, с. 111–112], подробно рассмотренной круг семантических связей при метафоризации, – в данном случае актуализируют в образе женьшеня сакральный мотив жертвенности и жертвы, что формирует ореол святости вокруг Владивостока, намечая его связь с сакральным центром – Святой Русью и утверждая крепость этого города, способного принять эстафету духовной и политической власти от

двух русских столиц. И в этом, по мнению Н. Матвеевой, его еще нераскрытый «гений». Сейчас, полвека спустя, когда Россия разворачивает свой геополитический курс на Дальний Восток, со всей очевидностью обнаруживается пророческий смысл этих слов.

Крепость города через другую метафору – камень – воспевают М. Алигер в стихотворении «Владивосток»:

Крутой обрыв родной земли,
летающий косо к океану,
от синевы твоей вдали
тебя я помнить не устану.
Продутый ветрами, сквозной,
бегущий в небо по карнизам,
сияющей голубизной
насквозь проникнут и пронизан,
свое величье утвердив,
ты смотришь зорко и далеко,
родной земли крутой обрыв,
крутой уступ Владивостока.

Клубится розовая рань.
Играют солнечные блики.
Со всех сторон, куда ни глянь,
сияет Тихий и Великий.
Он очень ярок и могуч,
но испокон веков донныне
он только плещется у круч
моей земли, моей твердыни.

На голубом твоём краю,
моя земля, моя родная,
основу скальную твою
как собственную ощущаю [10, с. 156–157].

Скальная основа города становится, по ощущению поэта, органичной составляющей людей, жителей Владивостока, определяя их качества, человеческие и гражданские. Звучащие рефреном строки «родной земли крутой обрыв, крутой уступ Владивостока», координируемые метафорой «летающий косо к океану» и вызывающие ассоциации с носом корабля, задают тему города-корабля, тоже явно намеченную в цикле стихов о Владивостоке. Но, отмечая это сходство, пока обозначим только островной фактор в описании города.

Город-остров естественно вписывается в образную парадигму «Владивосток-скала – крутой обрыв», намеченную в творчестве ряда поэтов: В. Аксеновой, В. Рудомина и А. Киреева (город Дальнегорск Приморского края), что в контексте формирующегося в литературе владивостокского текста наполняет новым смысловым содержанием привычные слуху топонимы, приобретающие метафорическое значение и выходящие на концептуальный уровень. Так, «крутой обрыв на мысе Анна», упомянутый в стихотворении А. Киреева, имеющий совершенно точное эмпирическое содержание, воспринимается как метонимия Владивостока, формируя представление о нем как о городе-скале: «А тот крутой обрыв на мысе Анна // Есть тверди окончание земной» [11, с. 20].

Показательно, на наш взгляд, и то, что в стихотворении А. Киреева появляется образ крутой лестницы. Определение «крутая» является косвенным указанием на высотность, а лестница, как известно, являет собой одну из наиболее распространенных ипостасей мирового древа, расположенного в центре Вселенной, и символ сообщения верхнего и нижнего миров. В этом контексте неслучаен и топоним – сопка Орлиное гнездо – как знаковый объект города:

Останусь здесь, где ветры свищут,
Чтобы с Орлиного гнезда
Смотреть, как в бурном море ищут
Огни маячные суда.

Чтоб сразу вслед за первым снегом
Идти по лестницам крутым,
Тяжелых туч любясь бегом
По сопкам диким и седым [12].

Сопка Орлиное гнездо, крутые лестницы, дикие и седые сопки до самых туч – эти образы в контексте стихотворения выстраиваются в метафорический ряд, оформляющийся в мифопоэтический образ вертикали – небесной лестницы, известной нам из Библии и восходящей к образу мирового древа.

Третий выделяемый нами значимый мотив в образе Владивостока – мотив огненного цветка, намеченный в творчестве К. Бальмонта (1916):

Люблю тебя, Владивосток,
Тебя приветствую в весне.
<...>
Я стих бросаю, как цветок,
Восток, живи и пой в огне [13].

Живой огонь – это огонь поэзии, творчества, энтузиазма, в котором отныне предстоит гореть городу, это и свет маяка, оберегающий жизни моряков, служащий им путеводной звездой и воспетый поэтами Георгием Халилецим:

Поворотный минуем, и вдруг,
Весь до черточки в сердце отмеченный,
Ты над бухтой смыкаешь круг,
Мириадам огней расцветенный.

И взволнованно каждый раз
Я шепчу на подходе к гавани:
– Путеводной звездой не гас
Мне огонь твой в далеком плаваньи! [14, с. 30]

и Владимиром Новиком:

Как огонек негаснувшей свечи,
Маяк Скрыплева – для судов в ночи [15, с. 12].

Приведенные художественные характеристики позволяют представить образ Владивостока посредством развернутой метафоры: «город-женьшень», «город-скала/лестница» и «город-огонь».

Эти три составляющие, выделенные нами как доминирующие, дают основание соотносить поэтический образ Владивостока с камнем Алатырь, центром Земли, известным из мифологии и фольклора древних славян. Если резюмировать описание чудесного камня, то представляется возможным выявить следующие его характерные черты: Алатырь – Бел-горюч камень – является началом и центром мира, он держит на себе мировое древо и источает живительные воды. Рядом с Алатырем всегда горит живой огонь Сварога, Бога-Творца, таким образом, Алатырь олицетворяет могущество и бессмертие творчества. Камень имеет форму восьмиконечной звезды, что имеет значение первоначала: все дороги мира берут от него начало и к нему же возвращаются.

Комментируя восьмиконечную форму мифологического камня-звезды, обратим внимание на то, что это традиционная форма маяка. Такую форму имел, например, маяк в Александрии, маяк-восьмигранник – визитная карточка Анапы, восьмигранное основание имеет Воронцовский маяк – главный маяк Одесского порта, восьмиметровую восьмигранную башню представляют из себя маяк Басаргина в Приморье, Ниддлский маяк в Англии, и список этот можно продолжить.

Учитывая все сказанное и наложив художественный образ Владивостока на образ восьмигранного острова-скалы в океане, исторгающего живой огонь и крепящего земную твердь сплетением мощных корней мирового древа, обнаружим совпадение черт приморской столицы, города-якоря, маяка, сверкающего космическим цветком-звездой (Б. Лапузин), города-лестницы и города-женьшеня (Н. Матвеева) с мифологическим Алатырем, островом-скалой, хранителем и средоточием русской силы.

Таким образом, образность поэтических текстов о Владивостоке, формирующих мифологему города, детерминирована региональным природно-культурным инвариантом, который наиболее репрезентативен в символах креста/маяка, скалы/горы, корня/дерева, цветка/огня, звезды/маяка. Значение архетипических символов углублено в координатах дальневосточной культуры (тайга, тигр, женьшень). Система символов текстов непротиворечиво соотносится с тремя стихиями (вода, земля, огонь) как структурными компонентами образа Владивостока. В стихах о Владивостоке реализуется когнитивно-семантический потенциал лексемы «корень», что позволяет ввести в макроконтекст импликацию жизнестойкости города, расположенного на дальнем рубеже России.

Когнитивное моделирование образа города Владивостока происходит благодаря образам-символам, представленным в поэтических текстах, художественным конституирующим региональным компонентам, позволяющим осмысливать семантическое пространство города как сложный художественный феномен, экстраполирующий культурные смыслы на широкий фон географического, историко-культурного и литературно-художественного пространства России.

Ссылки:

1. Марков В.М. Образ города Владивостока [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://old.pgpb.ru/cd/pri-mor/dates2010/zd15.htm> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Беляев Б. На пути к успехам // Советское Приморье : лит.-худож. альм. / отв. ред. Н.И. Колбин. Вып. 5. Владивосток, 1951. 328 с.
3. Anthropological Poetics / ed. by I.A. Brady. Savage (Maryland), 1991. 979 p.
4. Гомзяков П.И. В душе моей ношу я мир... : сб. стихотворений / сост. Б.Г. Андрюков. Владивосток, 2012. 200 с.
5. Stockwell P. Cognitive Grammar // Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. L. ; N. Y., 2002. 204 p.
6. Матвеева Н.Н. Заря Владивостока // Караван : сб. стихов. М., 2000. 512 с. (Антология авторской песни).
7. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Анн-Арбор, 1984. 116 с.
8. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э.А. Орловой. М., 2013. 285 с. (Философские технологии).
9. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. 2-е изд., стер. СПб., 2004. 166 с.
10. Алигер М.И. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. Стихотворения, 1945–1980. М., 1985. 511 с.
11. Киреев А.Н. Одинокий путник: стихотворения. Владивосток, 1997. 72 с.
12. Киреев А. Поэзия [Электронный ресурс] // Заветный край : лит. альм. Владивосток, 1998. № 1. URL: http://old.msun.ru/Vector/www/Kraj/Zkr1_poe.htm (дата обращения: 17.11.2017).
13. Бальмонт К. Дальневосточная окраина. ГАПК (г. Владивосток) от 22.04.1916 г. (Ксерокопия фрагмента страницы без указания номера, арх. экз. из Краевой библиотеки им. М. Горького г. Владивостока).
14. Халилецкий Г. Утро: стихи и поэмы. Владивосток, 1947. 88 с.
15. Новик В. Споем, Приморье! Книга четвертая: три в одной плюс новые песни. Дальнегорск, 2007. 80 с.